

ПЛАЧ О «САДЕ ПРЕЧИСТОЙ»

Спиридонова В.И.

Краевед. Тверь

lazurnaya.9@yandex.ru

В статье описывается опыт создания сада Тверской Покровской церкви в 2000 – 2016 гг. Это память о «Саде Пречистой» при существовавшем здесь в прошлом Афанасьевском девичьем монастыре (1293 – 1723 гг.). Рассматривается историческая, функциональная, религиозная и эстетическая связь с окружающим пространством. Большая часть статьи отведена описанию создания самого сада. Приведены отдельные исторические сведения об Афанасьевском монастыре и Покровской церкви. Религиозную связь подчёркивает христианская символика сада и растений. К статье прилагается фотоиллюстративный материал из личного архива автора.

Ключевые слова: Тверь, Покровская церковь, церковный сад, христианская символика.

*Радуйся, Богоневесто, Жезле тайный,
Цвет Неувядаемый процветший,
Радуйся, Владычице, Еюже радости наполняемся
И жизнь наследствуем.*

*Тропарь образу Пресвятой Богородицы
«Неувядаемый Цвет»*

*...Ради кого земля украшена растениями,
деревьями и цветами... для кого и Рай,
само Царство небесное приготовлено?*

*Из пролога Шестоднева
Иоанна экзарха Болгарского*

Сад Тверской церкви Покрова Божией Матери создавался более 15 лет, с 2000 до середины 2016 года, в память о «Саде Пречистой», существовавшем здесь в прошлом при девичьем монастыре (1293 – 1723 гг.) во имя святителя Афанасия Александрийского. Монастырь был известен и как Афанасьевский, и как Софийский или Софьин, по имени его основательницы – княжны Софии Ярославны (рис. 1), родной сестры святого благоверного князя Михаила Тверского [1].

Рис. 1. Святая благоверная княжна София Ярославна Тверская

Прекрасное место, удалённость от города при естественном водном пространстве, было выбрано для создания монастыря. Сама природа сформировала это место: живописная излучина Тьмаки обеспечивала изолированность от внешнего мира, а девственная растительность как бы обрамляла обитель (рис. 2) [2].

Рис. 2. Фрагмент плана Затьмацкой части г. Твери. 1810 г.

В Древней Руси знали духовную ценность пейзажа, подчиняя его собору, монастырю, городу, а сады «в древнерусских городах имели не только утилитарную, но и эстетическую функцию» [3]. Ведь «сад – это попытка создания идеального мира взаимоотношений человека с природой. Поэтому сад представляется как в христианском мире, так и в мусульманском, Раем на земле, Эдемом» [3, с. 11].

Ещё в домонгольские времена среди красот Русской земли называются и «винограды обительные», то есть сады монастырские. Есть сведения, что ещё в X веке новгородцы выращивали яблони [4]. Известно и о яблоневои саде, заложенном преподобным Антонием при основании Киево-Печерского монастыря (1051 г.) [5, с. 21]. Преподобный Максим Грек (XVI в.), описывая монастыри на Святой горе Афон, упоминает «...винограды вне и около монастырех, да вне Святыя горы...» [6].

Остались сведения о садах Тверской епархии (начало XX в.): при подворье Тверского Христорождественского монастыря на землях Спасской пустыни в Бежецком уезде, при Новоторжском Борисоглебском монастыре, Осташковском Житенном, Вышневолоцком Казанском, Ниловой пустыни, при Трёхсвятском загородном Архиерейском Доме, а при Вознесенском Оршине монастыре был также плодовый питомник [7].

В архивных документах, Писцовых книгах 1626 года, упоминается и об одной из Пречистенских затьмацких церквей – Покровской, и о саде Афанасьевского монастыря: «...монастырь Афанасьевский девичий с двумя церквами: Афанасия и Кирилла и Покрова Пресвятой Богородицы; около или близ последней Сад Пречистой» [8]. С этим названием, выражающим глубокое почитание Пресвятой Девы Марии, и остался в памяти сад, заложенный княжной Софией Ярославной с насельниками монастыря, – «Сад Пречистой».

По результатам археологических исследований (1987 – 1989 гг.) можно предположить, что сад был расположен за пределами современной церковной территории. Монастырские сады не ограничивались стенами монастыря – с природным окружением была естественная связь. Интересно изображение Затьмацкого посада второй половины XIX века (рис. 3). В его восточной части виден комплекс Покровской церкви и куртины деревьев, возможно и сада: от церковной ограды – к угловому домовладению священника Алексея Синицына, за ним – вниз, к огородам на землях, арендуемых у церкви купеческой семьёй Бураковых, и к самой Тьмаке.

Сада уже нет, но место осталось: здесь на этом месте, на этой почве – он был, а исторические документы позволяют сохранить память о нём [9].

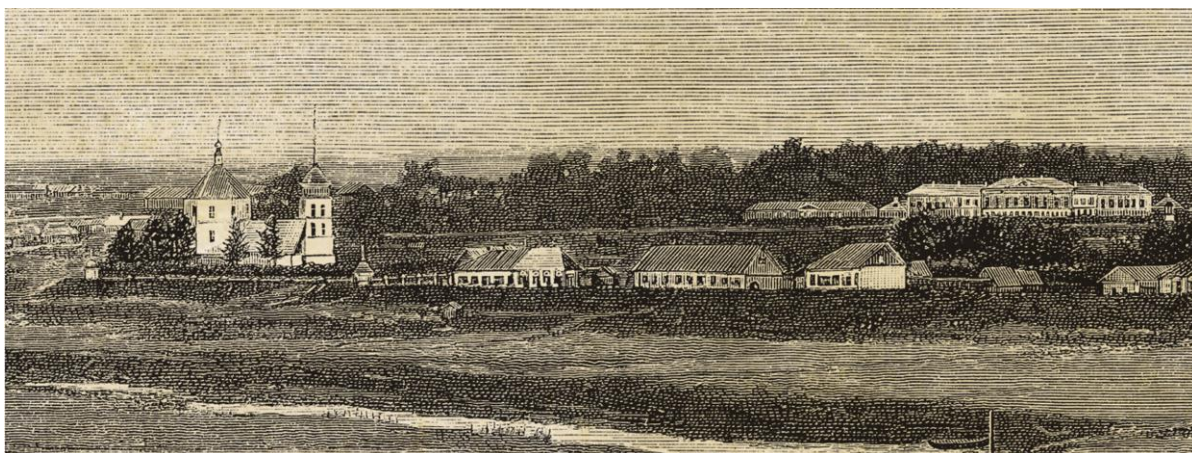

Рис. 3. Затьмачье. Конец XIX в.

На другом берегу Тьмаки, против Покровской церкви, на территории Трёхсвятского архиерейского домового монастыря, митрополит Сильвестр Волинский в бытность на Тверской кафедре (1720 – 1723 гг.) «выкопал пруд, насыпал холм, названный Фавором». Посадил также «два сада яблонь добрых и протчаго, один подле келей архиерейских, другой подле пруда, а деревье покупаны в москве и в дмитровском уезде ценою настоящею» [10, 11]. Епископ Митрофан Слотвинский (1738 – 1752 гг.) келии и деревянную церковь, сооружённую вместо обветшавшей, «окружил ... садом с прудами и беседками...» [10, с. 84].

Подробности устройства этого сада – в рукописи XVIII века «Описание города Твери»: Трёхсвятский монастырь «окружён на три версты осаженными деревьями на подобие шпалера и в той окружности находится хорошеи регулярной садъ ись посаженныхъ деревъ липъ и клену а въ куртинахъ посажены яблони и вишни в нёмъ изрядныя бесетки семь прудовъ при одномъ оранжерея каменная а при другомъ и гора названная фаорская натурою и искусствомъ украшенная, въ прудахъ имеется рыба разныхъ родовъ...» [12]. «Фаворская гора» и пять из семи «архиерейских» прудов сохранились до сих пор как образец «живой памяти».

Оценка сада – в описании самого Трёхсвятского монастыря: «На полуденной стороне города при реке Тьмаке на прекрасном месте... церковь во имя Святой Троицы... и имеющийся здесь преизрядный сад делает сие место летом весьма приятным» [13]. Со стороны бывшего сада и теперь видна пойма Тьмаки и возвышающаяся над ней церковь Покрова Богородицы.

Ландшафт других тверских монастырских садов нам мало известен, но о некоторых подробностях можно судить по изображениям на сохранившихся иконах. Например, на иконе Новоторжского Борисоглебского монастыря (начало XVIII в.) видны сады внутри монастыря и у его ограды. На иконе «Преподобный Нил Столобенский и Нилова пустынь» (XVIII в.) отражено природное окружение в виде парка, а при реконструкции генплана монастыря обозначены также фруктовый сад и липовая аллея [5, с. 45, 431]. О садовых насаждениях Успенского Отроча монастыря известно по записи в приходо-расходной книге 1834 года: «В саду монастырском посажено 156-ть яблонь, 120 кустов смородины, 40 кустов малины, 7 дерев вишни, 2 дерева дуль; – всего на 70 рублей» [14].

Как при Отроче монастыре и Трёхсвятском, в монастырских садах росли, прежде всего, «райские деревья» – яблони, ведь яблоня – традиционный символ райского сада. Упоминаются и яблоневые сады Ниловой пустыни, разведённые в первой половине XVII века. Но разве могла быть благоустроена окружающая природная красота только плодовыми растениями? Сажались также и лекарственные (душица, иссоп, полынь, мелисса, розмарин), и просто душистые декоративные растения, ароматные травы и благовонные цветы. Сады пряных, лекарственных и ароматических растений появились при храмах и монастырях в глубокой древности, и эта традиция сохранилась.

Рис. 4. Райский сад

Одна из функций сада, и церковного, и монастырского особенно, – символическая. Символикой обладает не только сад, уподобляемый райскому (рис. 4), но и отдельные растения, наделяемые аллегорическим смыслом и библейской значимостью. В Библии растения часто упоминаются в притчах, сравнениях, метафорах. Можно это видеть и в стенных росписях храмов, на иконах, в миниатюрах Евангелий.

Розы: шипы роз напоминают о терновом венце Христа, а красота – о райской жизни. Виноград: также библейское растение, ведь Христос «есть истинная виноградная лоза» (Ин. 15,1–8). Белая лилия: знак невинности и чистоты, ею приветствовал Пресвятую Деву Марию посланный от Бога Архангел Гавриил. Ещё в Древней Руси среди других символов Девы Марии была белая лилия, крин. А на иконах Божией Матери «Неувядаемый Цвет», «Благоуханный цвет» в Её руке – цветущая ветвь, символизирующая неувядаемость девства и непорочность. Цветок миндаля, розы или пиона изображают на вершине процветшего жезла, символа власти, первосвященника Аарона [15]. Жёлтый нарцисс: его символика связана с христианской мученицей Перпетуей. Кипрей (он же Иван-чай): любимый цветок святого Антония. А сами названия: «*Божье дерево*», «*Богородская трава*»... Со многими растениями связаны христианские легенды, исторические сказания и предания.

Обратившись к прошлому и восстановив память о далёких днях, этим свойством обладают и сами растения, и их ароматы, приблизимся к настоящему. История Твери не прошла мимо ни Афанасьевского монастыря, ни Покровского храма: вражеские нашествия и разорения, войны и революционные потрясения, безбожное правление, природные катаклизмы... Утратам подвергались не только города и сёла, дома и храмы, страдали и сады. Разрушение садов, вырубка деревьев – также страшное вражеское разорение: жизнь под корень! [5, с. 18]

После десятилетий запустения Покровской церкви, окончания её реставрационно-восстановительных работ, на праздник Рождества Христова 2000 года в главном Покровском храме была совершена первая Божественная Литургия. Торжественное благолепие храма: рельефное и живописное убранство интерьера, орнаментальная резьба и позолота иконостасов, само богослужение... Всё это, как и чувство долга перед бывшим в поругании храмом, призывало к благоустройству приходской территории (рис. 5), ведь пространство вокруг храма особое – церковная земля намолена.

Около самой церкви, у паперти, (рис. 6) садовые посадки были сделаны одними из первых: это барбарис и несколько кустов гортензий от неизвестного дарителя.

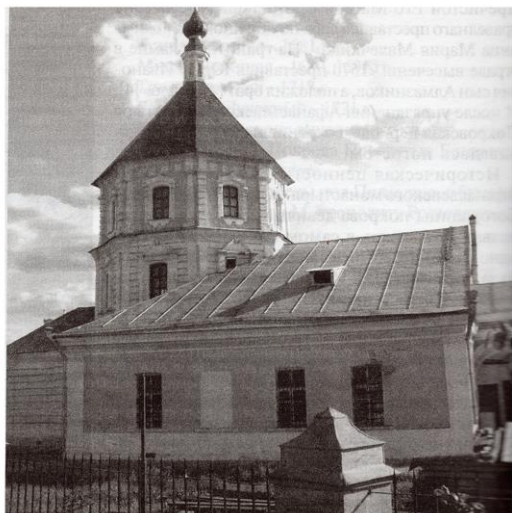

Рис. 5. 2000 г. Покровского сада ещё нет Рис. 6. 2004 г. Одни из первых посадок у паперти

Начало же Покровскому саду было положено чуть ли не у письменного стола библиотеки, под её окнами (рис. 8). Так и пишет преподобный Максим Грек о садах на Святом Афоне: «За каждою же келиею их садец мал под самым окном...» [16]. Устроили как бы декоративный палисадник: рабатки под окнами библиотеки и трапезной, а рядом, в угоду моде, альпийскую горку с барбарисом, японскими спиреями, очитками и камнями для их обитания (рис. 9). Среди них и распростёртые полкустарнички неприхотливого тимьяна. Девичий виноград, высаженный на углу здания, декорировал фасад библиотеки-трапезной и её надстройки, как бы вторя резному орнаменту иконостаса, который являет символический образ Рая.

Покровский «садец» оказался удачным и удостоился внимания посетивших Тверь членов редакции журнала «Цветники». Позднее, в одном из номеров журнала, в рубрике «Весенняя увертюра», был опубликован снимок композиции, который они сделали у библиотеки: «Нарцисс гибридный "Debutante", тюльпан гибридный, арабис кавказский» (рис. 7) [17]. Рабатки (после «закрытия сада» были полностью уничтожены) украшали многие довольно редкие растения (рис. 10), среди которых – гиацинтоидес. Выделяющийся в калейдоскопе майских красок пронзительно синими кистевидными соцветиями, он известен как «цветок святого Георгия». (6 мая – день памяти великомученика Георгия Победоносца.)

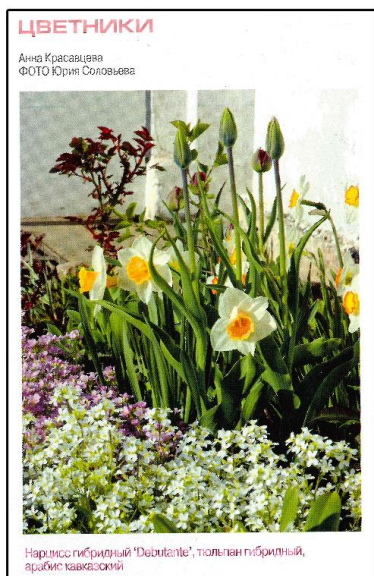

Рис. 7. Весенняя композиция

Рис. 8. Под самыми окнами

Рис. 9. «Садец мал»

Рис. 10. Покровский «садец» (перед уничтожением)

Создать сад на свободном месте было бы легче, если бы не необходимость в расчистке приходской территории. Ведь после восстановительных работ она была завалена строительным мусором. Его уборкой занимались рабочие церкви: метр за метром, не без убеждений и уговоров. Закладывать же сад начали слабосильные прихожанки, да ещё по своей инициативе, не входившей в планы остальных работ, и потому обременявшие своей настойчивостью. Но цветоводы каждый освобождающийся метр с безмерным усердием сразу же обустроивали, мысленно уже любясь будущей красотой.

Испросив помощи Божией Матери, создание Покровского сада было продолжено. И не только в пределах церковного двора, но и за оградой, воспроизводя нарушенное природное окружение. Надеялись и на духовную поддержку последней настоятельницы Афанасьевского монастыря Дарии и сестёр, вынужденных из-за упразднения монастыря в 1723 году с печалью покинуть любимую ими обитель.

Первую помощь в освоении церковной территории оказала группа студентов под руководством преподавателя кафедры ботаники Тверского государственного университета (рис. 11–14).

Рис. 11. Беседа священника

Рис. 12. Руководство и помощь

Рис. 13. Полевая практика

Рис. 14. В гору и за алтарь

Ознакомившись с историей церкви и получив необходимое наставление, они выполнили одну из труднейших работ – подготовить заалтарную часть двора для садовых посадок. Нужно было освободить её от закопанного мусора и зарослей сорных трав, а также собрать валуны от фундамента бывшей прежде ограды для использования их при декоре предполагаемого здесь главного цветника. Всапывали землю уже садоводы с опытом, умением и терпением, перебирая каждую лопату грунта. От них были получены и необходимые советы. Отдавая должное заботам о саде, студенты-ботаники и садоводы-профессионалы помогали и в дальнейшем.

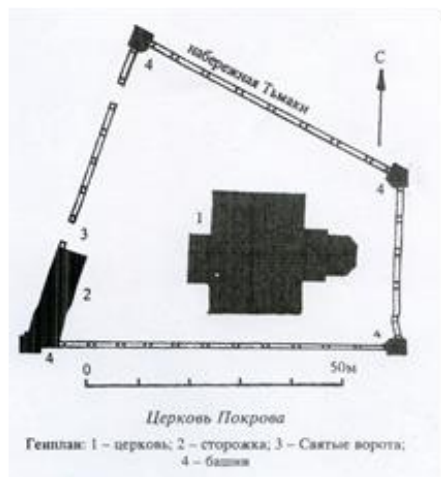

Рис. 15. Генплан церкви

Планировка сада определялась центральным расположением храма в строгом четырёхугольнике ограды с декоративными башнями и уже сделанным вокруг храма мощением (рис.15) [18]. Старинный сад и назывался «вертоградом»: по-церковнославянски «верт» – сад, «град» – ограда. Исходя из этого, планировка сада нечёткая, что, собственно, и характерно для ландшафтного или пейзажного стиля, свойственного православным церквям.

В основе сада – миксбордер, выполненный по периметру ограды с использованием кустарников и невысоких деревьев. Маскирование ограды насаждениями расширяло пространство, а просветы в бордюре исключали монотонность [19]. Плавными свободными изгибами бордюра спускался до лужайки, примыкающей к мощению. Таким образом, со стороны церкви садовое пространство оставалось открытым [20], а дополняющие объём островные клумбы делали его нетривиальным.

Промежутки между кустарниками и под деревьями заполнили многолетники: астильбы и хосты, ирисы и монарды, лилейники и анемоны, флоксы, а также луковичные и периодически обновляемые летники. На переднем плане – почвопокровные растения: шиловидный флокс, арабис, живучка, ясколка, гвоздика травянка, камнеломки, барвинок (белоцветный, пурпурный и голубой) и прочие (рис. 16). Это неотъемлемая часть смешанного бордюра, а само его окаймление – из дикого камня. Бордюр оживляет тимьян ползучий, распространяющий пряный аромат. «Богородской травой» именуют его при использовании в церковных обрядах, а в народном обиходе он известен под названием «чабрец» (рис. 17).

Рис. 16. На переднем плане

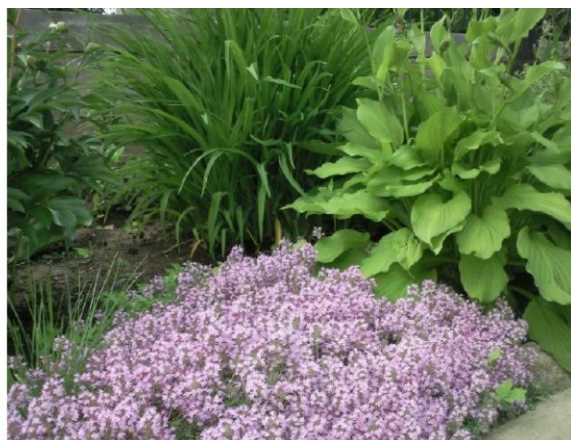

Рис. 17. Богородская трава

Формировало сад, делая его объёмным, и вертикальное озеленение. У башен восточной ограды цветники, образуя «зелёные кабинеты» (рис. 18–21), подчёркивались шпалерами, увитыми лианами хмеля (после «закрытия» сада – уничтожены), а у северо-

западной башни успели высадить лимонник и жимолость каприфоль. Как и фасад библиотеки-трапезной (рис. 10), невзрачную северную стену свечной лавки покрыли лозами девичьего винограда и она стала фоном для коллекции астильб. Рядом были размещены прекрасно зимующие под снегом, любимцы английских садов, толстолистные баданы. Стиль же сада – природный, пейзажный и почти английский, то есть простота и естественность при подчёркнутой ухоженности, но русский пейзажный сад отличает ещё и уютность.

Рис. 18. Первопроходцы

Рис. 19. Крестный ход

Рис. 20. Уход, уход, уход ...

Рис. 21. Любование и молитва

Гармоничное сочетание растений с учётом особенностей кроны, листы и цвета определял их тщательный подбор. И, конечно, часто из-за отсутствия нужных растений и средств, не с первого раза. Посаженные за восточной и южной оградой деревья и кустарники обеспечивали визуальное расширение садового пространства и его единство с окружающей природой. Подчеркнули они и возвышающийся Головинский вал, когда-то защищавший Затьмачье от наводнений (рис. 23).

Рис. 22. Посадка черёмухи *Маака*

Рис. 23. Юго-восточная часть сада

Особое внимание, помятуя Святую Троицу, уделено группе из 3-х черёмух. Это подаренные, посаженные и регулярно обихаживаемые дарителем черёмухи *Маака* (рис. 22) с нарядной, красновато-оранжевой, блестящей, шелушащейся корой. Объёмными кронами они напоминали яблони, которые посадить не удалось, но была из зёрнышка выращена груша, успешно приносящая плоды. Из североамериканских видов черёмух – виргинская, отличающаяся отсутствием аромата цветков, но красными плодами. Со времени, когда здание церкви использовалось как склад, за оградой остались ясенелистные клёны и красная бузина, которую особенно берегли за её декоративность и отпугивающие вредителей свойства. Эффектная форзиция, куртина ирги, «малина-клён», верба и вишни были посажены вновь. Также и лекарственная или кустарниковая полынь (*Frtemisia abrotanum*), известная как «*Божье дерево*». Её название, от греческого «*abrotos*», означает «божественный, бессмертный». Верба же, символизирующая новую жизнь и Воскресение, была выращена из пушистой ветви, освящённой в храме в Неделю Ваий (Вход Господень в Иерусалим).

Воссоздавая естественную среду, все посадки на южной стороне сада обеспечивали также столь необходимое для растений нижнего ряда миксбордера некоторое затенение, как и метельчатые гортензии, росшие в самом бордюре.

Одна из выразительных композиций сада – в его наиболее удалённой заалтарной части (рис. 24–30). Выполненная с соблюдением пропорций, цвета и фактуры листвы, в сочетании с крупными одиночными камнями, она впечатляла! Даже при отсутствии цветущих растений, благодаря тончайшим оттенкам зелёного. Скальный можжевельник «*Блю Эрроу*», со светло-сизым окрасом хвои, и распростёртый перед ним серебристо-голубой «*Блю Карпет*» (привезён из цветочного магазина, уместившись на коленях, а в саду вырос до 3-х метров в ширину). Дёрен «*Элегантиссима*» с бело-пёстрой листвой, форма которого поддерживалась стрижкой. Достойный спутник хвойников – подаренный ВВЦ (ВДНХ) полулистопадный рододендрон *Ледебура* с розовато-сиреневыми цветками. По краям – гортензии: древовидная «*Аннабель*» и метельчатая «*Грандифлора*» (рис. 27).

Рис. 24. Из первопроектиров

Рис. 25. Общее руководство

Рис. 26. Одобрение или вопрос

Рис. 27. Замысел исполнен

Рис. 28. Поможет всегда

Рис. 29. С гостьей

Рис. 30. Не только уход

Красные ветви дёрена, тюльпаны, малиновые цветки пионов и скромного куколя (в написание о монашеском головном уборе), барбарис *Тунберга* «*Атрупурпуреа*» – все они оживляли композицию. Элимус придавал ей ажурность и мягкость, а посаженный у северо-восточной башни, он своей сизовой листвой несколько приглушал яркие краски, как и полынь *Шмидта*, поддерживая спокойный, умиротворяющий колорит сада. Его усиливали сине-фиолетовые цветки иссопа, известного в древней Палестине как «священная пахучая трава» и используемого в религиозных церемониях.

Была живописной и древесно-кустарниковая группа в южном бордюре (рис. 31–37). Рядом с башней – гортензия «*Лаймлайт*», тёмный калинолистный пузыреплодник, дейция и метельчатая гортензия «*Киушу*» с неповторимо тонким ароматом. Лещина «*Пурпуреа*», подаренная на рынке и посаженная года за два до «закрытия сада», не успела порадовать своими плодами, а на северной стороне сада лещина обыкновенная несколько лет угощала орехами. По той же причине не удалось даже посмотреть на скумпию в облике «парикового дерева» и цветущую во всей красе юную форзицию.

Из травянистых вертикалей: цимитифуги (прозаическое название «клопогоны») – привлекали, посконники – поражали, а знойные канны – всех удивляли, но несколько «резали глаз» и выпадали из принятой в саду спокойной гаммы, без сильных контрастов и пестроты.

Справа от юго-восточной башни – красивый и скромный ясенец, или диктамнус, семена которого в период созревания содержат так много эфирных масел, что они могут воспламеняться. В народе растение называют «Неопалимая Купина». Это память о терновом кусте, горевшем и не сгоравшем, в котором святой пророк и Боговидец Моисей удостоился видеть прообраз Божией Матери.

Рис. 31. В центре – багряник, совсем молодой

Рис. 32. Справа – он в полном расцвете

Возглавлял же южный миксбордер, тогда почти единственный в Твери, блистательный багряник японский (рис. 31, 32). (После «закрытия сада» был нещадно вырублен: не оставлено ни веточки, ни листика.) Размером с прутик, он был выращен и подарен одной певчей, а в саду благополучно достиг 4-х метров высоты. Называют его ещё «пряничным деревом» за запах корицы, издаваемый опавшими листьями. Они розовые при распускании и с багряным оттенком осенью. Для «гостя из Японии» в саду было выбрано светлое и тёплое место, так что при жизни багряник даже не подмерзал.

Рис. 33. Интересен и сад

Рис. 34. Уход и внимание

Рис. 35. На фоне ивы

Этого нельзя сказать про расположенную в соседстве с ним плакучую иву вавилонскую с ярко-жёлтыми ветками (рис. 35, 36, 37). Сама обаяние и нежность, она иногда подмерзала, ведь была с берегов Ефрата, но каждый раз восстанавливалась, что действительно делает её символом вечного Возрождения. Приходилось только формировать её «под канделябр». (После «закрытия сада» также была срублена.)

Рис. 36. Ива вавилонская плакучая

Рис. 37. Подарили, посадили, обиходили

Под сенью ивы, вблизи кустарниковой лапчатки «Хоплис Ориндж» (рис. 35), для отдыха, обзора и любования садом нашлось место и для скамьи. Спроектировали скамью, точнее собрали, сами «цветоводши». Сиденье для неё, дубовую доску, и опоры, известняковые блоки, спасли из строительного мусора. Без комфорта и уюта, но присесть было можно. Рядом цветник: тюльпаны, фиолетовая сирень, малиновая роза, бледный лилейник, душистый табак и пахнущий мёдом алиссум. При большом желании, некий средиземноморский мотив просматривался [21], хотя и без разбитого кувшина, но зато за спиной – Тьмака! Получился как бы маленький внутренний дворик (рис. 38 – 41).

Рис. 38. Помощь необходима

Рис. 39. Повреждённые блоки собраны

Рис. 40. Можно и присесть

Рис. 41. Рядом – цветник

Остальные блоки повреждённых частей фундамента церковного здания, раскиданные за оградой и собранные отзывчивыми бомжами, также нашли применение в устройстве этой зоны отдыха. Прочие декоративные элементы сада использовались сдержанно и только природного происхождения. Так, куски брусчатки (как вспоминают, чуть ли не из отходов мощения Красной площади) – для дорожек к башням, а дикий камень – для украшения цветников и живописного обрамления бордюров.

Рис. 42. Здесь будет северный бордюр

Рис. 43. Посадили пихту - «кедр»

Вдоль северной (рис. 42 – 45) и западной ограды как основу миксбордера посадили сирени, во всём многообразии их сортов. Перед ними с северной стороны – древовидные гортензии. Сирени перемежали калинолистными пузыреплодниками, жасмин (чубушник), барбарис, дёрен и будлея – «магнит для бабочек». Там же были высажены калина «Буль-де-неж» (рис. 44) и миндаль степной, цветение которых, как и цветение форзиции за восточной оградой, не оставляли равнодушных и останавливали даже прохожих.

На лужайке с северной стороны – подаренная Тверским ботаническим садом одиночная пихта (рис. 43). В напоминание о кедрах ливанских, «деревьях Господних» (Пс. 104,16–17), она должна будет со временем возвыситься подобно кедру в Ливане (Пс. 91,13). В библейской традиции кедр – символ праведника, исполняющего Божью волю, но и благородный вид пихты вызывает ассоциации с возвышенным духом.

Рис. 44. Вот он – северный бордюр

Рис. 45. Северо-восточная часть сада

Дивные запахи, бабочки и стрекозы, пчёлы и шмели, трели... Но чтобы не забывали люди о Рае, Господь послал напоминание о нём – цветы. Недаром праведный Иоанн Кронштадтский сказал, что «цветы – это остатки Рая на земле». А в описании цветущего луга у архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) (святителя Луки Крымского) говорится: «Благоухание цветов – это фимиам Богу. Цветы – кадиланицы»... Они возносят ароматами хвалу Творцу, славят Его своими чистыми ликами [22].

Рис. 46 – 48. «Цветы – кадиланицы»

Задача создания сада «непрерывного цветения», от Пасхи до Покрова, намеренно как бы не ставилась, но решалась... естественно, неустанным трудом.

Весна начиналась с первоцветов. Их научное название *Primula veris* – примула весенняя. Как ключ, отпирающий весну, появлялись примулы, в народе слышущие под именем «баранчики» (вероятно, за свои сморщенные, похожие на смушки листья), или под именем «ключики» (рис. 49). Название дано за сходство расположения цветков со связкой старинных церковных ключей. А по одной из христианских легенд – это отпечатки ключей от входа в Рай. Их случайно выронил апостол Пётр, находившийся на страже и которому они были вверены. Но прежде, чем посланный за ними вдогонку ангел успел их перехватить и взять с собою обратно, они врезались в землю. И каждый год из отпечатков ключей вырастают эти цветы, открывающие нам дверь к тёплой погоде, к тёплому лету [23, с. 99, 100].

Рис. 49. Весна – отпирается «ключиками»

Рис. 50. Лето – приходит

Рис. 51. Осень – проходит

Рис. 52. Зима – наступает

Вспоминаются также изящные и трогательные подснежники или галантусы, пролески и хионодоксы, мускари и пушкинии, сциллы, куртины крокусов. Радовали хохлатки. Затем уже дицентры – «сердечный подарок весны». Цветение продолжали медуницы, тюльпаны (рис. 46), нарциссы, баданы, анемоны-ветренницы, ирисы, маки, аквилегии, пионы (рис. 47, 50)... С наступлением лета – розы, лилейники, гвоздики, эхиноцеи, анемоны японские, ситцевые букеты флоксов... Осенью – рудбекии и астры, а завершали её безвременники, очитки, хризантемы (рис. 51) и, конечно же, гортензии, цветение которых сопровождало сад весь сезон.

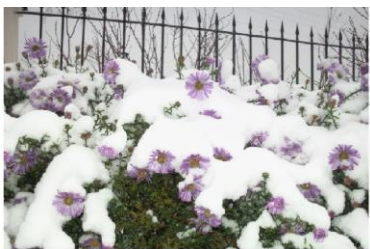

Рис. 53, 54, 55. «Он весь сверкает и хрустит, обледеный сад...»

Зима – невыразительное время отсутствия листьев, но всё же с ценимой нами красотой. Украшать сад оставались те же гортензии, злаки и хвойные вечнозелёные растения, нарядные и стильные: можжевельники, туи, пихта, тис. Искрились оставшимися ягодами барбарисы. В начале зимы ещё не потемнели ветви ползучего можжевельника сорта «Экспанса Вариегата» с кремовыми чешуйками. Также и у подаренной желтоокрашенной туи «Лютеа», символизирующей долгую жизнь и крепкую старость. В древности по латыни тую и звали «Arbor Vitae», то есть «дерево жизни».

Обилие растений обеспечивало садовое разнообразие. Объединяющее начало отдельных композиций и частей сада достигалось повторяющимися посадками сиреней, гортензий, роз. Их гармоничное сочетание усиливало эстетическое восприятие сада. Ведь сад ассоциируется с Раем, утерянным, но желанным.

О с и р е н я х – с печалью: после «закрытия сада» насыщенный миксбордер, основу которого в северной и западной части сада и составляли сирени, превращён в стриженую изгородь. Свободно растущая сирень заплатила за это декоративностью, а о калине «Буль-де-неж» и плодоносящей лещине даже не вспомнили, лишив их и цветов, и плодов.

Сирени самых разных сортов (рис. 56–58): «Лебёдушка» – с белыми простыми цветками; «Бюффон» – простая розоватая; «Мишель Бюхнер» – цветки густо махровые, окрашенные в разные оттенки фиолетового; «Конго» – с пурпурно-лиловыми цветками; «Сумерки» – с простыми фиолетовыми цветками; «Красавица Москвы» (рис. 57) – жемчужина русской коллекции сиреней и, несомненно, коллекции Покровского сада. Её розово-лиловые бутоны превращались в крупные махровые, напоминающие

миниатюрные розочки, очень ароматные цветки. При распускании они меняли окраску с жемчужно-розовой на белую с розовым оттенком. Этой сирени нет равной, её называют: «Лучшая сирень мира»! И потребовалось несколько лет, чтобы достать саженец за приемлемую цену. Были и безымянные сорта сирени: цветки – тёмные, белые, махровые и очень красивые.

Рис. 56. Храм уже в саду

Рис. 57. Красавица Москвы

Рис. 58. «Сиреневый туман»

Из-за многообразия сортов сирени её посадки в Покровском саду правильнее было бы называть сирингарием. (Научное название сирени – «*Syringa vulgaris*».) Цветение сирени – майское украшение сада, разливающее благоухание весны. Когда сирень покрывалась сотнями чудесных кистей, зрелище представлялось неописуемым. Радостное восхищение вызывали эти белые, розоватые и лиловые цветы. А их упоительный запах чувствовался во всей округе [23, с. 286, 288].

О гортензиях – с сожалением: их всего несколько сортов.

Повторяющиеся кусты гортензий связывали все цветники сада (рис. 59–61). Цвели они разнообразно, долго, а осень была украшена их буйством.

Рис. 59. Восхищение

Рис. 60. Киуиу

Рис. 61. После трудов

Изысканные метельчатые гортензии: «Грандифлора», «Лаймлайт» и «Киуиу» – в юго-восточных посадках, там и «Аннабель». Древовидные гортензии – у северо-восточной башни, а высаженные перед сиренями, украшали северный миксбордер, они же – у въездных ворот. Кущи их бело-пенной роскоши рождали всеобщее восхищение. Это не только радовало, но и приносило дивиденды: на них были куплены розы для мини-розария за Казанским приделом, заменившие кусты полыней (рис. 63, 64), и не без помощи одной из прихожанок.

Рис. 62. За алтарём пока доски

Рис. 63. Потом Божье дерево

Рис. 64. И вот мини-розарий

О р о з а х – с любовью.

Розы в саду – блистали. «Рассыпанные» по всем цветникам, в композициях с другими растениями, к 2016 году их насчитывалось более 80 кустов.

«Глория Дей», кремовая с нежным румянцем, – у церковной паперти (рис. 65, 80). В рабатке у библиотеки – с тёмно-красными цветками «Травиата» (рис. 73). «Анри Матисс» (?), с белыми и красными мазками и запахом малины, – в южном бордюре (рис. 66), рядом с «Альпенглоухен», ярчайшей красной розой. С золотисто-жёлтыми цветками и приятным ароматом «Фризия» – у трапезной (рис. 67). В мини-розарии – очень ароматные розы (рис. 64), но имён их не осталось.

Рис. 65. Глория Дей

Рис. 66. Анри Матисс (?)

Рис. 67. Фризия

Заметное украшение сада – розы основного розария, в северо-западной части сада. В переводе с латинского «rosarium» – это «венок из роз». Своей красотой и неповторимостью они поражали. Многообразие их сортов поддерживалось и постоянно обновлялось заботившейся о них прихожанкой с её дочерью. Они основали этот розарий из посадок своей дачи и на протяжении 10 лет постоянно пополняли его, обеспечивая уход. (Все сирени, калина «Буль-де-неж», миндаль степной, многие пионы и ирисы также пожертвованы ими.) Только весной 2016 года, а летом уже было объявлено о «закрытии сада», розарий пополнили 12 кустов. Среди них сорта: «Терракота», «Кристоф Колумбус», «Александр» и др. Они успели показать нам своё цветение.

Рис. 68. Мечта сбылась – розарий создан

Рис. 69. Прибыла новая партия роз

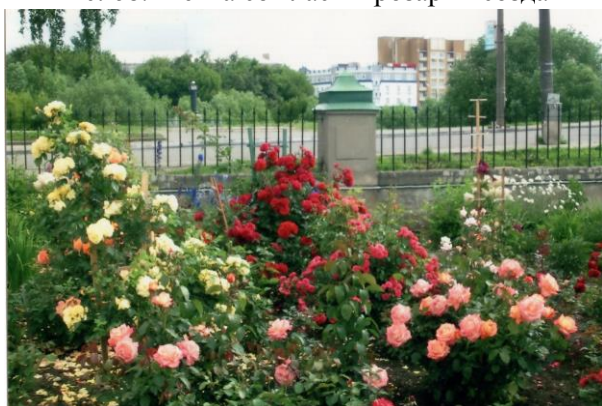

Рис. 70. Три «венка» земных роз

Рис. 71. Радость не знает усталости

Большая часть розария – основные розы: парковые, чайно-гибридные, плетистые, флорибунды, почвопокровные... Эффектна *«Вестерланд»* – с пышными оранжевыми цветками. Красочны были и *«Пэт Остин»* – кораллово-янтарное чудо с полумахровыми цветками, и *«Ля Нина»* с крупными розовыми, и *«Вальцтайм»*, благородные цветки которой пепельно-розовой окраски, и особо любимая *«Фламентанц»* – с малиновыми цветками, и прочие. Но одна из самых красивых роз – *«Глория Дей»*, у её цветков кремовые лепестки с розоватым оттенком по краям (рис. 65, 80), осталась в планах.

В первом ряду розария – почвопокровные *«Мейдиан»*, создающие плотный ковёр: *«Редмейдиан»* – с красными цветками, *«Айсмейдиан»* – с полумахровыми белыми, умиротворяющими этот парад красок.

Рис. 72. ...радость

Рис. 73. ...страдания

Рис. 74. ...слава

Западные христиане, объявив розу райским цветком, посвятили её Пресвятой Богородице. Сказание сообщает, что архангел Гавриил из белых, жёлтых и красных небесных роз сделал для Нёй три венка. Венок из белых роз означает Её радость, из красных – Её страдания, а из жёлтых – Её славу (рис. 72, 73, 74) [23, с. 12,13]. А у балканских славян известен обычай: во время праздника Святой Троицы бросать розы с церковной колокольни [23, с. 31].

Из классического сопровождения роз – лилии (рис. 75–77). Природная красота лилий сравнима со славой Соломона (Мф. 6,28–29). В строгом ботаническом смысле лилия – белая красавица. У христиан белая лилия, символ чистоты и непорочности, красуется на иконах и картинах с библейскими сюжетами.

Рис. 75–77. Сопровождение роз

Соперники лилий, разных сортов лилейники, – тоже в соседстве с розами. В «предрозье» – шиловидный флокс, лаванда и редкие сорта бруннер в обрамлении дикого камня. В «зарозье» – коллекция дельфиниумов, к сожалению, рано утраченная.

Сад пробуждал воспоминания, связанные с историей Покровской церкви.

Розарий, заложенный на месте взорванной в 1930-е годы отдельно стоявшей колокольни со Святыми вратами, скрывает место возможного захоронения церковного старосты – именитого купца Петра Буракова, скончавшегося в 1886 году. Он много сделал для процветания прихода, и эта колокольня была построена на его средства. Восстановление колокольни, придававшей завершение Покровскому комплексу, и предполагаемая реставрация так называемых «причтовых домиков» могли бы воссоздать этот дивный уголок Твери, овеянный её древней историей.

Покровская церковь после упразднения Афанасьевского монастыря стала приходской, с сохранением кладбища. Некоторые надгробные плиты древних захоронений, помещённые в фундамент церкви ещё при её строительстве, остались как закладные камни до настоящего времени. Возвращено из музея и установлено сохранившееся надгробие с могилы протоиерея Феодора Образцова. В течение 45 лет, до своей кончины в 1911 году, он был настоятелем Покровского храма, и его немалым трудам мы обязаны существованием храма в наши дни. Похоронен он был, предположительно, за алтарём.

В память обо всех погребённых на прицерковном кладбище священно-церковно-служителях и мирянах у входа в церковь установлен символизирующий Голгофу поклонный крест (рис. 78). В его изножии – камень в форме черепа, напоминающего о первогрехе Адама. Это почтительно учитывалось: из посадок – строгие хвойники как символ непрерывающейся жизни, а цветущие растения – в тёмно-красной и светлой гамме. Здесь и цветки купены (*Polygonatum*), именуемой «Соломоновой печатью», и трогательные колокольцы ландышей, по легенде – «слёзы Божией Матери».

Рис. 78–82. Здесь молитва о почивших

Отмечено вниманием и место около западной ограды, между центральными и малыми воротами. При археологических исследованиях (1987 – 1989 гг.) в западной части современной приходской территории и за её пределами были обнаружены саркофаги и ряд простых погребений XVII – XVIII веков, отнесённые к Афанасьевско-Покровскому некрополю [24]. В напоминание об этом, у ограды на фоне белых клематисов около вересков, в цветник как бы «вписан» небольшой четырёхконечный каменный крест, оттенённый ирисами и лилиями.

Сохраним же прошлое, хотя бы в воспоминаниях.

Созданный как церковный, сад действующий: молебны и поминовение усопших, вдоль сада вокруг храма – торжественные молитвенные шествия – крестные ходы, для украшения храма – цветы.

О Покровском саде в его состоянии, бывшем к 2016 году, можно сказать: пронизанный любовью его создателей, он был красив и даже известен! Сад посещали, в нём отдыхали и размышляли. Скромный по размерам, без особых изысков, он как безмолвная проповедь душевной чистоты вносил успокоение и располагал к неспешному созерцанию. А «наблюдая за природой, человек исполняется любви и благодарности к Создателю всего сущего, восклицая вместе с псалмопевцем Давидом: “Дивна дела Твоя, Господи, Вся премудростию сотворил еси!” (Пс. 103, 24)» [22, с. 4].

Умиротворяющий ландшафт в центре города!

Но этого сада, над которым столько лет, столько благоукрасителей, столько трудились, уже нет. Теперешний сад из-за нерадения лишился сотни растений. Структура сада, его декоративность, сама экология растений безжалостно нарушены. Сад уже не «читается» как иконологическое произведение со скрытой символикой. Восприятие сада упрощено и благостное состояние, создаваемое разнообразием форм и окрасок цветов, кустов, деревьев, угасло. Полуживой и одичавший, Покровский сад возвращается после его «закрытия» к исходному состоянию унылого пустыря и выглядит плачевно. В благоговейном созерцании отказано.

Вряд ли память о возделываемом «Саде Пречистой» останется жива. В Покровскую церковь был послан как символ избранничества уже процветший «...жезл Ааронов... на сохранение, в знамение для непокорных...» (Числ. 17, 10), но оказался не нужен (рис. 83).

В 2016 году росток от «жезла», ещё не успевшего увянуть в Покровской церкви, удалось укоренить у Оршина храма-часовни во имя святого праведного Иоанна Кронштадтского. Там он принялся, возрос в «садец» дочерний, не очень малый, и продолжает расти.

Рис. 83. Икона первосвященника Аарона

А может быть, «Сад Пречистой», воссоздаваемый при Её водительстве, жив... Там... у Неё... о чём в утешение нам позволено надеяться:

«Далеко за пределами Млечного Пути... растёт чудесный, таинственный Сад, владение Пресвятой и Пречистой Девы Марии... Все цветы, какие только существуют на нашей бедной и грешной Земле, цветут там долгою, по много лет не увядающею жизнью, охраняемые и лелеемые терпеливыми руками незримых работников...»

В каждое полнолуние... проходит Пречистая тихими лёгкими шагами по Своему Саду. Круглый, ясный месяц скользит у Неё с правой стороны... И серебристым светом оденутся голубой хитон Пресвятой Девы и Её прекрасное лицо, всю красоту и благодать которого не в силах изобразить человек ни кистью, ни словом, ни музыкой.

И, взволнованные, в радостном нетерпении, трепещут цветы и качаются на своих тонких стебельках стремясь, точно заждавшиеся дети, прикоснуться лепестками к голубому хитону. И нежно улыбается их чистому восторгу Мария, Мать Иисуса, так любившего цветы во время Своей земной жизни...

А утром, когда из пурпура и золота зари встаёт торжествующее, горящее вечной победой солнце, Пречистая поднимает к небу Свои лучезарные глаза и произносит благоговейно: “Да будет благословен Творец, показывающий нам знамение... Своего величия. И всё Им сотворённое да будет благословенно... Во веки веков”.

И едва слышным шёпотом отвечают цветы: “Аминь”»... [25].

Рис. 84. Икона Божией Матери «Неувядаемый Цвет»

Для справки:

На создание сада ушло более 15 лет. Участвовало человек 100. По своей инициативе трудились садоводы-любители, а также члены православного братства, студенты кафедры ботаники университета и некоторые добрые прихожане. Привлекались «трудники», рабочие церкви, помогали члены клуба цветоводов. В сложных случаях приглашались практикующие садоводы, что позволяло избежать оплаты дорогостоящих работ и покупки редких растений. Поливали сад чаще всего сторожа, а при засухе, соболевая саду, и сами «садоводши», хотя шланги были такими тяжёлыми, что часто приходилось обращаться за помощью к соседям по дому и даже к прохожим. Растения жертвовали строители сада и сторонние любители, иногда их покупали на деньги прихожан, или на деньги от продажи лишних цветов и кустарников.

Итак, Покровский сад был создан, более чем на три четверти, трудами и на средства цветоводов и садоводов, любителей и профессионалов, а точнее – их ЛЮБОВЬЮ.

Список литературы:

1. Спиридонова В. К истории создания Покровской церкви. Афанасьевский девичий монастырь // Тверские епархиальные ведомости. 2004. Сентябрь. С. 12 – 20.
2. План Затьмацкой части г. Твери 1810 г. // Государственный архив Тверской области. Ф. 117. Оп. 1. Д. 143.
3. Лихачёв Д. С. Поэзия садов. М., 1998. С. 51, 52.
4. Чёрный В. Д. Русские средневековые сады: опыт классификации. М., 2010. 176 с. (Режим доступа: <https://iknigi.net/avtor-valentin-chernyy/read/rage-5.html>.)
5. Вергунов А. П. Горохов В. А. Монастыри. Природа и люди. М., 2006. 623 с.
6. Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 117.
7. Добровольский И. Н. Тверской епархиальный статистический сборник. Тверь, 1901. С. 602 – 627.
8. Выпись из Тверских Писцовых книг Потапа Нарбекова и подъячего Богдана Фадеева 1626 года. Город Тверь. Тверь, 1901. С. 119.
9. Лихачёв Д. С. Заметки о русском. М., 1984. С. 28 – 33.
10. Храмовые празднества в г. Твери. Вып. 2. Тверь, 1904. С. 84, 87.
11. Тверские епархиальные ведомости. 1893. № 15 (неофициальная часть). С. 375 – 376.
12. Журнал 86 заседания ТУАК. 1902. С. 22 – 23.
13. Карманов Д. И. Исторические известия Тверского княжества, почерпнутые из общих российских летописцев, с приобщением новейших оного приключений. 1775 года // Карманов Д. И. Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края / Изд. В. Колосов. Тверь, 1893. С. 112, 122.
14. Отрочь монастырь в г. Твери. Тверь, 1894. С. 297.
15. Успенская М. Иконописный пион // Вестник цветовода. 2008. № 3. С. 23.
16. Сочинения преподобного Максима Грека, изд. при Казанской духовн. академии. Казань, 1897. Ч. 3. С. 149.
17. Красавцева А. Весенняя увертюра // Цветники. 2009. № 4. С. 16.
18. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Тверская область: В 6 ч. Ч. 1. М., 2002. С. 753.
19. Епанчин К. Ландшафтный сад. М., 2007. 112 с.
20. Сапелин А. Загадка пространства: открывать или закрывать? // Вестник цветовода. 2008. № 8. С. 32-34.
21. Воронова О. В. Сам себе ландшафтный дизайнер: Новый сезон. М., 2009. С. 48 – 50, 254.
22. Стрижев А. Цветы и храм. М., 1996. С. 3 – 4, 42.
23. Золотницкий Н. Ф. Цветы в легендах и преданиях. М., 1991 (репринт). 297 с.
24. Салимов А., Салимова М. История комплекса Покровской церкви в Твери // Тверская старина. 1996. № 14 – 15. С. 103 – 104.
25. Куприн А. И. Сад пречистой девы // Собрание сочинений в девяти томах. Т. 6. М., 1972. С. 440 – 441.

Сведения об авторе:

Спиридонова Вера Ивановна.
Краевед.

Публикации по церковному краеведению:

1. Спиридонова, В.И. Из истории Тверского женского епархиального училища / Спиридонова, В.И. // Православная Тверь. – 1998. – № 8-12. – С.5, 6.
2. Спиридонова, В.И. Чудотворная обитель / Спиридонова В.И. // Лествица (г. Тверь). – 2000. – № 1. – С. 2.
3. Спиридонова, В.И. Воскресенская церковь / Спиридонова В.И. // Лествица (г. Тверь). – 2000. – № 6. – С. 3.
4. Спиридонова, В.И. К истории создания Покровской церкви / Спиридонова В.И. // Тверские епархиальные ведомости. – 2004. – Сентябрь. – С. 12-20 : ил. К 230-летию Покровской церкви (освящена 1 октября 1774 г.).
5. Спиридонова, В.И. Святая Гора на Волге / Спиридонова В.И. – Тверь, 2020. – 27 с.

Выполнены тематические информационные подборки по истории Осташковского Житенного монастыря, Тверской Иоанно-Предтеченской церкви, Успенского собора города Зубцова, Никольской церкви села Видогощи Корчевского уезда, Тверской Покровской церкви, Тверского Вознесенского Оршина монастыря.

Подготовлены подборки архивных материалов (в основном, из фондов Государственного архива Тверской области):

1. К жизнеописанию протоиерея Матфея Ржевского: биографические сведения, служебная и личная переписка, поучения и проповеди.
2. О служении священномученика митрополита Серафима (Чичагова) в бытность его архиепископом Тверским и Кашинским (1914 – 1918 гг.).

Одно из увлечений – садоводство. Реализация ботанических знаний – в устройстве сада Тверской Покровской церкви и палисадника у храма-часовни во имя святого праведного Иоанна Кронштадтского при Тверском Вознесенском Оршине монастыре.

Настоящая статья «Плач о “Саде Пречистой”» описывает опыт создания Покровского сада в 2000 – 2016 гг. Первичная публикация статьи: Зелёный журнал : Бюллетень Ботанического сада Тверского государственного университета. – Тверь: ТвГУ, 2021. – № 9. – С. 47 – 67.